

Научная статья
УДК 94(470-570)
doi: 10.17223/15617793/474/23

Государственное регулирование аграрной экономики Советской России в условиях социальных девиаций новой экономической политики. Институциональный аспект

Наталья Петровна Носова¹

¹ Тюменский государственный университет, Тюмень, россия, nosova-np@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть проблему воздействия Советского государства на крестьянство и аграрную экономику через призму анализа государственных институций, через дискурс организации государственной власти в течение цельного исторического периода новой экономической политики, а также проследить, как и на каких принципах формировалась модель (парадигма) управления, выявив при этом проблемы и парадоксы реализации формировавшейся модели.

Ключевые слова: советская власть, крестьянство, аграрная экономика, государственное управление, государственный аппарат, новая экономическая политика

Для цитирования: Носова Н.П. Государственное регулирование аграрной экономики Советской России в условиях социальных девиаций новой экономической политики. Институциональный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 474. С. 198–208. doi: 10.17223/15617793/474/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/474/23

The state regulation of the agrarian economy of Soviet Russia in the context of the social deviations of the new economic policy. The institutional aspect

Natalia P. Nosova¹

¹ University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation, nosova-np@mail.ru

Abstract. This article studies the organization of managing the agrarian sector of the economy in the early years of the Soviet state, during the search for a new managerial algorithm and the foundation of state institutions, which later became the basis for a powerful state machine. In the framework of looking for a new concept of social management during the transition to a new economic policy, the author proposes defining the change in public administration as the formation of a new institutional design, which is based on political goal-setting (taking into account the interests of the power groups initiating this process) and implemented through a system of norms and institutions. The effectiveness of the changes in the institutional design depends on a number of issues: the development success of the transformations' program; the sequence of implementing actions by the power structures; and the reaction of the social environment (which is the target of the institutional changes), i.e., its support or rejection of introducing new institutions. In connection with the proposed research concept, this article considers the problem of the impact, which the Soviet state had on the peasantry and the agrarian economy, through the analysis of state institutions and the discourse of the state power organization during the whole historical period of the new economic policy. In addition, the author traces the ways and principles of forming the model (paradigm) of management, revealing the problems and paradoxes of implementing the emerging model. The results show that the construction of the state apparatus for agricultural management in the 1920s fully reflected the specifics of the Soviet power as a "party-state" system. The search for new governance structures was primarily in line with the tasks of stabilizing the new government. In the first half of the decade, these reasons led to the weakening of the centralization in agricultural management, which forced its intensification when the course of pluralism in the economy did not deliver the desired results in politics. By the mid-1920s, the agricultural management (along with the development of the new economic policy's principles) saw the predominance of new principles that went beyond the state regulation of production in individual peasant farming and then formed the foundation of its socialist restructuring. Certain changes happened in the system of the agricultural management bodies. Along with the existing ones, a system of new state institutions was created to manage the socialist sector of the agrarian economy.

Keywords: Soviet power, peasantry, agrarian economy, state administration, state apparatus, new economic policy

For citation: Nosova, N.P. (2022) The state regulation of the agrarian economy of Soviet Russia in the context of the social deviations of the new economic policy. The institutional aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 474. pp. 198–208. (In Russian). Doi: 10.17223/15617793/474/23

Современная трансформация российского общества показала, что проблема государственного управления в условиях социальных изменений становится одной из ключевых. Особенно интересен в связи с этим опыт Советского государства, в котором реализована модель использования государства как основного инструмента общественных преобразований. Одним из перспективных направлений научных исследований может стать изучение организации управления обществом в начальный период советской власти, когда идет поиск нового алгоритма управления, а указанная парадигма только формировалась и были заложены основы государственных институтов, которые впоследствии стали фундаментом мощной государственной машины.

Наиболее рельефно этот исторический сюжет представлен в практике государственного управления аграрной экономикой. Именно в области экономики решались кардинальные проблемы построения нового строя, оказывающие непосредственное влияние на все сферы общественной жизни, определявшие, в конечном счете, тип и характер развития страны. Своеобразие задач управления в Советской России определялось тем, что созидательные задачи пришлось решать в аграрной стране, когда крестьянство не являлось политической основой власти.

Опыт управления аграрной экономикой в Советской России, формирование каналов воздействия государства на деревню, включая институциональный аспект, были предопределены, прежде всего, конкретно сложившейся ситуацией, связанной с приходом к власти большевиков, поиском модели регулирования крестьянской экономики. Особенно интересным оказался опыт новой экономической политики. Не случайно поэтому определена хронология исследования.

Интерес историков к поставленной проблеме проявился сравнительно давно. Большой вклад в исследование истории советской доколхозной деревни внесли труды В.П. Данилова. В его работах, наряду с освещением разных сторон социально-экономических отношений, рассматриваются и институциональные аспекты аграрных преобразований первых лет советской власти [1, 2]. Предпринимались и отдельные попытки исследования организации и деятельности государственных органов по реализации политической доктрины советской власти в деревне [3, 4].

В современной отечественной литературе идет переоценка существовавших ранее позиций. Происходит становление и развитие новых парадигм изучения советской и российской аграрной истории. Подробный анализ историографии аграрной проблематики представлен в фундаментальном труде «Аграрная история XX века. Историография и источники» [5], а также в многотомном труде «История крестьянства России в XX в. [6]. Особую группу работ, в которых наиболее продуктивно с современных позиций рассматриваются отдельные аспекты исследуемой проблемы, представляют труды по изучению экономической мысли в первое десятилетие советской власти. Эти работы проливают дополнительный свет на механизмы влияния идеологических установок при

формировании как теоретической, так и практической модели государственного управления аграрной экономикой [7–11].

Определенный вклад в изучение поставленной проблемы вносят зарубежные исследователи [12–16]. Защищаются диссертационные работы, анализирующие совместное сотрудничество российских и зарубежных исследователей [17].

Однако процесс создания различных инструментов воздействия Советского государства на деревню не может считаться полным без рассмотрения процессов формирования модели государственного управления новой власти, системы органов власти, их деятельности. Данная исследовательская проблема не рассматривалась в дискурсе организации власти в конкретный исторический период новой экономической политики.

В условиях поиска новой концепции управления обществом при переходе к новой экономической политике изменение государственного управления можно определить как формирование нового институционального дизайна, основанного на политическом целеполагании, учитывающие интересы иницирующих данный процесс властных групп, и реализуемого через систему норм и институций. Эффективность изменений в институциональном дизайне зависит от того, насколько удачно разработана программа преобразований, от последовательности действий властных структур по ее реализации и от реакции социальной среды, на которую рассчитаны институциональные изменения, ее поддержки или отторжения при внедрении новых институтов.

Предлагаемый исследовательский подход позволяет рассмотреть проблему воздействия советского государства на крестьянство и аграрную экономику через призму анализа государственных институций, через дискурс организации государственной власти в течение цельного исторического периода новой экономической политики, проследить, как и на каких принципах формировалась модель (парадигма) управления, выявив при этом проблемы и парадоксы реализации формировавшейся модели. Предложенная концепция анализа дает возможность более продуктивно изучить процессы, находящиеся на стыке политической истории (процессы целеполагания, разработки программы, политической линии), истории Советского государства и его институтов (как главного инструмента реализации политической цели), социальной и экономической истории (реакция социальной и экономической среды на институциональные преобразования).

Переход страны в начале 1920-х гг. от «военного коммунизма» к нэпу явился выходом не только из создавшегося кризисного положения, он означал гораздо большее: попытку переосмысления самой концепции перехода от капитализма к социализму, модели социалистического строительства. Становится очевидной и несбыточность надежд на непосредственный, краткосрочный переход страны к новому строю, нежизненность в новых условиях многих «военно-коммунистических» схем и представлений. В партий-

ных, государственных, научных кругах начинается работа по переоценке послеоктябрьского опыта, в острых дискуссиях ведутся поиски новых путей движения вперед. Этот период характеризуется складыванием различных, порой противоречащих друг другу концепций управления, которые получали право на жизнь и проверку жизнью.

Первым практическим шагом на пути установления новых хозяйственных отношений были, как известно, отмена продразверстки и введение продналога, провозглашенные X съездом РКП(б). Однако это еще не означало признания необходимости широкого развития материальных стимулов сельскохозяйственного производства. При переходе от «военного коммунизма» к нэпу сохранялись преимущественно административные методы управления и соответствующий им аппарат государственного управления. Наглядно это можно проследить на процессах планирования в сельском хозяйстве.

Созданная по решению VIII съезда Советов (декабрь 1920 г.) производственная комиссия Народно-го комиссариата земледелия, в которую вошли представители ВСНХ, Наркомпрода и ЦСУ РСФСР, продолжала разрабатывать государственный план засева, хотя жизнь показала утопичность подходов к планированию индивидуального крестьянского хозяйства. В феврале 1921 г. была создана Государственная плановая комиссия (Госплан) при Совете труда и обороны. В составе Госплана вопросами сельскохозяйственного производства занималась сельскохозяйственная секция [18. Л. 2, 14, 16], которой руководил перешедший из Нардного комиссариата земледелия С.П. Середа, в годы Гражданской войны возглавлявший наркомат земледелия. Плановая комиссия (Земплан) была создана в составе Наркомата земледелия РСФСР. 28 марта был утвержден персональный состав Земплана. Его председателем был назначен В.В. Осинский, заместителем – И.А. Теодорович, членами – М.Е. Шефлер, Л.С. Марголин, Н.С. Богданов. Однако Земплан даже не имел собственного технического аппарата и выполнял скорее научно-консультативные функции. Связь с Госпланом он должен был осуществлять через коллегию Наркомзема [19. Л. 72, 73].

15 апреля 1921г. коллегия Наркомзема решила организовать вспомогательный орган, который бы готовил материалы для работ Земплана и коллегии, – Экономическое совещание (ЭКОСО). ЭКОСО призвано было «объединить научные и практические силы и помочь Наркомзему в выработке мероприятий по восстановлению сельского хозяйства страны». На него возлагались предварительная разработка общего плана работ наркомата, согласование плановых работ отделов и управлений Наркомзема с другими ведомствами и составление сводных данных о состоянии сельского хозяйства в республике [20. Л. 81].

Однако на практике получилась полная подмена Плановой комиссии Экономическим совещанием. Четкого разграничения функций между ними не было. Со второй половины 1921 г. Плановая комиссия почти не собиралась. 18 мая 1922 г. коллегия НКЗ объ-

единила эти два органа и приняла Положение о Плановой комиссии [21. Л. 1].

Согласно принятому Положению во главе Земплана находился президиум, который назначался коллегией комиссариата. В состав президиума вошли: Н.А. Теодорович (председатель), а также видные ученые Н.Д. Кондратьев, А.Л. Рыбников, П.Н. Першин, Н.П. Рудин, Д.Н. Прянишников. Позднее к работе в Земплане были привлечены П.И. Ляшенко, В.Н. Книппович, Н.М. Тулайков и др. [22. Л. 2]. В задачи Земплана входила разработка на основании предварительных указаний Госплана планов развития отраслей сельского и лесного хозяйства и представления их в Госплан, а также рассмотрение и согласование плановых предложений и мероприятий всех управлений и хозяйственных органов НКЗ, подготовка для коллегии НКЗ заключений по отчетам о выполнении отдельными его подразделениями установленных планов. Однако учитывая то обстоятельство, что основу крестьянской экономики составляло индивидуальное крестьянское хозяйство, которое в новых рыночных условиях не поддавалось жесткому плановому регулированию государственных органов, фактически Земплан все больше превращается в научный центр при коллегии Наркомзема, что окончательно было закреплено в Положении о Наркомземе от 26 ноября 1923 г. [23. Ст. 903].

Основной особенностью начального этапа реорганизации государственных органов управления сельским хозяйством при переходе к нэпу было стремление решать новые задачи прежними административными методами. В НКЗ по-прежнему планировались «ударные» мероприятия с подробной регламентацией действий местных органов и крестьянских хозяйств. В системе комиссариата земледелия продолжали действовать чрезвычайные органы. Важную роль среди существовавших чрезвычайных органов играли Комитет посевной площади и посевкомы на местах [24. Л. 198, 218, 220]. Как показала практика, процесс инерционного действия «военно-коммунистических» принципов административного вмешательства в крестьянскую экономику был более длительным и мучительным, чем в других отраслях народного хозяйства.

Отказавшись от продразверстки как метода контроля и непосредственного воздействия на крестьянскую экономику, государство пытается расширить сферу своего регулирующего воздействия в разных областях сельского хозяйства используя инструменты рыночной экономики. Важным рычагом здесь должна была стать сельскохозяйственная кооперация.

В июне-июле 1921 г. в Наркомземе был поднят вопрос о сельскохозяйственной кооперации. По предложению коллегии комиссариата руководство и контроль за сельскохозяйственной кооперацией должен осуществлять Наркомзем через особый аппарат во главе с членом коллегии НКЗ. Последнее обстоятельство вызвало бурный протест со стороны кооператоров. Тем не менее в июле 1921 г. кооперативный отдел Наркомзема был создан, а член коллегии комиссариата П.А. Месяцев был назначен ответственным за все дела сельскохозяйственной кооперации и пред-

ставителем НКЗ в центральной сельскохозяйственной секции Центросоюза [19. Л. 167, 173].

Опубликованный 16 августа 1921 г. декрет ВЦИК и СНК о сельскохозяйственной кооперации внес коррективы в планы Наркомзема. Согласно декрету сельскохозяйственная кооперация становилась независимой от потребительской и промысловой и от НКЗ. На Наркомзем же возлагалась обязанность наблюдать за исполнением декрета. Организационно сельскохозяйственная кооперация возглавлялась Сельсосоюзом и была самостоятельна в способах осуществления своей деятельности [25. Ст. 434]. И все же функции государственных земельных органов по отношению к сельскохозяйственной кооперации в первые годы после перехода к нэпу не ограничивались просто наблюдением. Наркомзем и его местные органы занимались разработкой законодательных положений, улаживанием конфликтов между государственными органами и сельскохозяйственной кооперацией, вели учет сельскохозяйственных кооперативных организаций [26. С. 12].

С переходом к нэпу правовые основы сельскохозяйственной кооперации еще не были до конца осознаны. Почти сразу после принятия декрета «О сельскохозяйственной кооперации» НКЗ обсуждал вопрос о распространении его на колхозы. В декабре 1921 г. по решению IX съезда Советов колхозы вошли в систему сельхозкооперации. Позднее, в конце 1924 г., по рекомендации НКЗ в Сельсосоюзе был создан отдел коллективного земледелия [27. Л. 33; 28]. Направление, заданное поиску возможных путей перехода к социализму в новых исторических условиях, могло оказаться продуктивным.

Несмотря на провозглашение нового курса и свободы экономических отношений, пролетарское государство пытается воздействовать и держать под своим контролем крайне противоречивую с точки зрения возможностей революционных преобразований сферу сельского хозяйства.

Эту тенденцию отразило и Положение о Наркомземе, разработанное в октябре 1921 г. Согласно ему Наркомзем РСФСР, являясь центральным органом РСФСР, должен осуществлять свои задания «по развитию и укреплению всех отраслей сельского хозяйства Республики и организацию его в направлении социалистических форм и отношений». Такая формулировка задач Наркомзема была оценена как преждевременная и не соответствующая главному направлению новой экономической политики в сельском хозяйстве, основанному на рыночной, восстановительной модели сельскохозяйственного производства, но все же исходила из общей доктрины социалистического строительства. Проект не был утвержден СНК РСФСР. Но структура наркомата, согласно Положению, признана официально действующей. Именно она приводилась в отчете Наркомзема РСФСР за 1921 г. IX Всероссийскому съезду Советов [26. С. 28–31; 27. Л. 38–43].

Да это и понятно, трудно было юридически адекватно определить нормы организации и деятельности органов управления, которые функционировали в условиях

меняющегося политического курса. Именно наличие противоречий, а порой парадоксов в выработке решений свидетельствует о мучительном поиске новых путей, о том, что действительный смысл новой экономической политики был понят далеко не сразу.

В этих условиях противоречия как в хозяйственных отношениях, так и в попытках их государственного коммунизма, не годились для регулирования новых общественных отношений. Необходимо было «срочно пересмотреть действующее земельное законодательство в целях полного согласования с основами новой экономической политики и превращения его в стройный, ясный, доступный пониманию каждого земледельца свод законов о земле» [29. Ст. 41]. Именно это имел в виду В.И. Ленин, когда 12 февраля 1922 г. спрашивал в письме к наркому юстиции Д.И. Курскому: «Что же делается для кодификации? – для устранения противоречий» [30. С. 166].

Попытки сконцентрировать преимущественные функции по государственному управлению сельским хозяйством в Наркомземе РСФСР в каком-то смысле облегчили эту задачу. Решением IX Всероссийского съезда Советов Наркомзему РСФСР присваивались функции по кодификации советского земельного законодательства, которые до этого входили в обязанность Наркомюста. На основании решения съезда НКЗ разработал программу кодификационных работ [31. Л. 51–53, 76]. Согласно программе было решено создать полный свод законов и земле. Он должен был содержать уложения: земельное, водное, лесное и о сельском хозяйстве.

В течении 10 месяцев 1922 г. была проделана колоссальная работа по приведению в единство всего созданного после Октября земельного законодательства. 31 октября 1922 г. IV сессия ВЦИК утвердила Земельный кодекс РСФСР [32], который заменял все предшествующее законодательство, представлял собой как бы конституцию земельного строя республики. За ним последовало создание Лесного кодекса (июль 1923 г.) и Ветеринарного устава (ноябрь 1923 г.) [33]. К сожалению, эта работа так и не была завершена в полном объеме.

С переходом к новой экономической политике значительно выросло количество спорных земельных дел. Это было связано с запутанностью поземельных отношений, отсутствием четкого определения прав землепользователей, возросшим интересом к расширению посевов и др. До 1922 г. специальных органов для разрешения спорных земельных дел не было. Функции земельного суда исполняли административные органы – волостные, уездные и губернские землотделы и Наркомзем РСФСР.

Складывание новых экономических отношений требовало создания специального земельного суда. В этом вопросе между Наркомземом и Наркомюстом не было единогласия. Наркомюст стремился к передаче разрешения споров по землепользованию общим судебным учреждениям, оставив Наркомзему лишь дела по землеустройству. Наркомзем же считал, что при земорганах должны существовать особые судебные коллегии, которые и будут разрешать спорные

дела по землеустройству и землепользованию с участием представителей-крестьян [34. С. 198].

На основании проектов Наркомзема и Наркомюста было подготовлено постановление, утвержденное ВЦИК 24 мая 1922 г. [35. Ст. 428]. Согласно ему функции по разрешению земельных споров были возложены на специальные волостные, уездные и губернские земельные комиссии. При комплектовании состава земельных комиссий всех уровней строго соблюдался классовый подход. Большинство членов земельного суда были рабочими и крестьянами и членами или кандидатами в члены ВКП(б).

Ведению земельных комиссий подлежали все спорные дела, возникшие при землеустройстве и о правах на землепользование. Никакие местные органы Республики не имели права принимать к производству земельные споры и вмешиваться в их рассмотрение, приостанавливать исполнение, изменять или отменять вынесенные комиссией постановления. Высший контроль по земельным делам и рассмотрение кассационных жалоб на решения губземкомиссий производились Наркомземом и Наркомюстом в Особой коллегии высшего контроля по земельным спорам. Следовательно, по своей юридической природе земельные комиссии занимали промежуточное место между административными и судебными органами. С одной стороны, они состояли при исполкомах местных Советов и комплектовались последними, а с другой – принципы организации и деятельности их и судебных органов были во многом схожи.

Только после принятия Земельного кодекса, определившего функции государственных земельных органов и правовые основы их деятельности, а также после решения X съезда Советов, упразднившего все чрезвычайные органы по руководству сельским хозяйством, наметилась новая тенденция в реорганизации управляющего аппарата. К этому времени опыт земельных органов показал, что руководить развитием миллионной массы крестьянских хозяйств их центра крайне трудно.

Децентрализация управления экономикой в связи с переходом к нэпу вела к усилению роли местных хозяйственных органов. Однако практически проблема соотношения центральной и местной государственной власти оказалось очень непростой. Как реализовать расширившиеся функции местных органов, ни в центре, ни на местах не знали. В конце 1921 г. на Всероссийском съезде земельных отделов Народный комиссариат земледелия не предложил конкретной программы оживления работы местных земельных органов. Не представляли, как поступить с посевками, которые сыграли определенную положительную роль в посевной кампании 1921 г., а в новую обстановку уже «не вписывались». Было предложено заменить их сельскохозяйственными комитетами из 7 человек при экономических совещаниях исполкомов, упразднив при этом все другие земорганы [36. Л. 218]. Трудность состояла в том, что земельным органом на местах приходилось контактировать с множеством органов и организаций, связанных с сельским хозяйством, экономическими совещаниями губисполкомов, мест-

ными подразделениями Всеработземлеса, кооперативными организациями и др. Но практика постепенной подсказала решение.

В мае 1923 г. коллегия Наркомзема приняла «Положение о местных губернских (областных) органах Народного комиссариата земледелия» [37. Л. 10–14], в котором сообщалось, что местными органами НКЗ РСФСР в губерниях и областях, входящих в состав РСФСР, являются: в губерниях – губернские земельные управления (ГЗУ – земотделы губернских исполнительных комитетов), в областях – областные земельные управления (ОблЗУ – земельные отделы областных исполнительных комитетов). В документе определялись структура, функции этих органов, их отчетность в соответствии с новыми задачами.

Важным принципом, положенным в основу реорганизации в 1923 г. органов государственного управления аграрной экономикой, было приближение аппарата местных земельных органов непосредственно к крестьянскому хозяйству, установление внутренней структуры земельных органов в центре и на местах в соответствии с основными чертами крестьянского хозяйства. В связи с этим большая роль отводилась агрономическим, ветеринарным и другим участкам, которые со временем должны были стать низовой сетью Наркомата земледелия и тем непосредственным звеном, через которое Советское государство могло воздействовать на производство в индивидуальных крестьянских хозяйствах, имея вариант обратной связи. При этом настоятельно рекомендовалось использовать опыт организации земской агросети [38. Ст. 328].

На X съезде Советов был поставлен вопрос об активизации деятельности агрономической сети как одного из основных каналов возрождения земледелия. До революции агрономическая служба находилась в ведении земств. Теперь же мыслилось, что участковая агрономия должна стать «составной частью местных земельных органов и явиться связующим звеном между государственными органами и крестьянским хозяйством» [39. Ст. 90]. Предполагалось, что участковый агроном, работавший непосредственно среди крестьян, знал их хозяйство, их особенности, обстановку и нужды. Именно в такой организации агросети виделась преемственность с земской агрономией.

Практическая реализация этой идеи затянулась. Поэтому XI Всероссийский съезд Советов обязал Наркомзем разработать и провести через ВЦИК Положение об организации агрономической помощи населению. Второе совещание земельных работников РСФСР в марте 1924 г. выработало соответствующий проект, который позднее был принят почти без изменений под названием «Положение об агрономической организации Наркомата земледелия РСФСР» [40. Л. 5–6].

Согласно «Положению» общее организационное руководство мероприятиями агрономической помощи населению возлагалось на губернских и уездных агрономов при содействии специалистов по различным отраслям сельского хозяйства. Непосредственная работа в крестьянском хозяйстве всецело лежала на участковом (районом) агрономе и дополнявшем

его специальном персонале участка. Участковый агроном, работавший непосредственно среди крестьянского населения, знал его хозяйство, его особенности, обстановку и нужды. Именно в такой организации агросети виделась преемственность с земской агрономией.

Планировалось, что расходы агрономической организации оплачивались за счет местных средств. Наркомземом же производились лишь незначительные ассигнования, которые составили не более 3–4% необходимых сумм. Поэтому если в начале 1923 г. число участков превышало 2 000, то в конце года их осталось только 1 200. Радиус действия агрономических участков увеличился в некоторых губерниях до размеров целых уездов [41. С. 42–44]. На одного агронома в среднем приходилось 8–9 тыс. хозяйств. Наркомзем же ставил перед собой задачу иметь по одному агроучастку в каждой волости, по возможности содержать его за счет первичной сельскохозяйственной кооперации и довести число их до 4 000. Однако даже в то время осознавалась утопичность подобных подходов. В 1924 г. при обсуждении этого вопроса в Госплане П.С. Маслов заявил, что такое «проектирование даст в конечном итоге митинговых ораторов, не подкрепляющих ничем свои советы, или чисто бюрократический аппарат, действующий только не бумаге» [42. Л. 2].

В это время продолжается привлечение крестьян в состав государственного аппарата управления сельским хозяйством. Привлечение на руководящую работу крестьян-выдвиженцев имело целью нейтрализовать «оживление» работы старослужащих специалистов в госорганах. По сведениям Наркомзема РСФСР, в 1924 г. на местах для работ в земельном аппарате было вовлечено 95 крестьян, из которых в губернский аппарат – 40, в уездный – 55 (193). В 1925 г. из 361 человека, привлеченного к работе в земорганах, 92 были использованы в губернском аппарате, 269 – в уездном. Члены РКП(б) составляли 24,4% аппарата, 40,7% принадлежали к беднякам, 59,3% – к середнякам, 4,3% имели среднее образование, 95,7% – низшее [43. С. 575]. Большинство из них работали заведующими ГЗУ и УЗУ, председателями губернских и уездных комиссий.

1923 г. принес изменения и в организацию партийной работы в деревне. По решению Оргбюро ЦК(РКП)б в августе 1923 г. при ЦК была создана Комиссия по работе в деревне с целью выполнения постановления XII съезда РКП(б). Статус комиссии говорил о ее временности. Перспективы партийной работы в деревне еще не определялись. 13 августа состоялось первое заседание Комиссии [44. Л. 16].

Из положения о Комиссии по работе в деревне видно, что Комиссия создавалась при Секретариате ЦК и председателем ее был один из секретарей ЦК. Функции Комиссии несколько отличались от функций предыдущего отдела ЦК по работе в деревне. Она уже не ставит перед собой задачи непосредственного контакта с крестьянами через систему своих органов, предполагает поддерживать тесную связь с отделами ЦК, ЦКК, с ЦК РКСМ, фракциями ВЦИК и другими

советскими органами, а также с ВЦСПС и кооперативными организациями, давая им задания по работе в деревне, используя имеющиеся у них материалы для совместной разработки проектов разных постановлений и декретов, проводить их через ЦК и следить за их проведением в жизнь [44. Л. 6, 7]. Своего технического аппарата Комиссия не имела, а для текущей и подготовительной работы из своего состава выделяла Секретариат из пяти человек. Секретарь Комиссии освобождался от другой деятельности, все остальные работали по совместительству в отделах ЦК. Один раз в три месяца Комиссия должна была отчитываться о своей деятельности в ЦК.

Состав Комиссии не был постоянным. Заседания ее проводились без определенной периодичности, в силу необходимости. В сентябре 1924 г. она меняет свой статус, получив название «Совещание», что в принципе не изменило характера ее работы. К этому времени в Комиссии появился постоянный председатель – секретарь ЦК В.М. Молотов, а в качестве членов наряду с другими вошли М.И. Калинин, И.В. Сталин, Н.К. Крупская [45. Л. 4]. Совещание также не имело своих подразделений на местах, а действовало через аппарат центральных государственных органов и территориальных партийных комитетов.

С переходом к новой экономической политике впервые в практике государственного управления сельским хозяйством был поставлен вопрос о хозяйственном расчете.

В 1922 г. в Наркомземе РСФСР была разработана программа по внедрению хозяйственного расчета. По постановлению коллегии 14 августа 1922 г. был создан специальный орган – Секретариат по коммерческим делам, в котором была сосредоточена работа по организации и руководству хозрасчетными предприятиями НКЗ [43. С. 48].

Первыми на новую систему хозяйствования были переведены совхозы. Постановлением Совнаркома РСФСР от 13 июня 1922 г. основная масса их была снята с государственного финансирования. Совхозы могли рассчитывать лишь на долгосрочный и краткосрочный кредиты. Все совхозы в пределах губернии предписывалось объединить в сельтресты [46. Л. 110–110 об.]. Трестам принадлежала вся полнота административно-хозяйственных прав в распоряжении имуществом, орудиями и средствами производства совхозов, а также денежными ресурсами, которые тресты могли использовать по своему усмотрению в интересах выполнения производственных планов. Тресты несли всю полноту ответственности за организацию производства и сбыта, выполнение государственных заданий.

Для управления трестированными совхозами был создан особый независимый орган Государственный российский сельскохозяйственный синдикат (Госсельсиндикат). 11 августа 1922 г. Наркомзем РСФСР утвердил его устав [47]. Учредителем Госсельсиндиката стал Наркомзем РСФСР, который вложил в его основной капитал 2 млн рублей золотом по официальному курсу. В состав Госсельсиндиката на договорных условиях вошли тресты совхозов. Управление

делами синдиката возлагалось на собрание пайщиков, совет и правление. Госсельсиндикат должен был стать единым хозяйственным центром, в котором объединялись бы хозяйственная, производственная, финансовая и торговая деятельность государственных сельскохозяйственных предприятий (совхозов).

Однако уже в начале 1923 г. при обсуждении вопроса о Госсельсиндикате в Госплане было заявлено, что централизация управления трестами совхозов необходима, но со стороны государственных органов. Что касается функций Госсельсиндиката по управлению производством в трестированных совхозах, то ему предоставлять их не следует [48. Л. 22, 30 об.]. В это же время нарком земледелия А.П. Смирнов шлет всем заведующим губземотделами письмо под грифом «секретно-лично», где возлагает на них личную ответственность за работу всех губернских земельных органов и требует поставить под свой контроль губсельтресты.

Такой подход фактически превращал Госсельсиндикат лишь в особую хозяйственную организацию Наркомзема РСФСР и в управлении совхозами ему предоставлялись ограниченные функции – регулирование сбыта продукции и защита торговых интересов трестов на рынке.

Процесс трестирования и синдицирования советских хозяйств начался в 1922 г. и закончился в основном к концу 1924 г. Хозяйственный расчет и экономические методы управления государственными предприятиями в сельском хозяйстве были свернуты в угоду жесткой централизации в управлении. Как заметил заместитель народного комиссара земледелия РСФСР А.И. Свидацкий, совхозы не стали ни фабриками зерна, ни агрокультурными хозяйствами, поэтому «внимание к ним упало, хотя теоретически мы понимали, что построить социализм без них нельзя, но только теоретически» [49. Л. 14–15]. Перелом наступил с изменением политического курса в 1925 г.

Ответственность за перспективы совхозного движения взял на себя ЦК РКП(б). Он признал «недопустимым невнимательное отношение со стороны советских и партийных органов к совхозам» и потребовал принятия мер по их укреплению. 9 февраля 1925 г. было принято постановление «О совхозах», им отводилась ведущая роль в социалистической реконструкции сельского хозяйства, в переводе мелких крестьянских хозяйств на путь крупных.

6 марта 1925 г. СНК РСФСР принял постановление «О мероприятиях по укреплению экономического положения советских хозяйств» [50. Ст. 121]. Согласно ему государством оказывалась большая финансовая и материально-техническая поддержка трестированным совхозам РСФСР. Как видим, регулятором становится не нэповский хозрасчет, а политически ангажированная система административно-хозяйственного регулирования.

Произошли изменения и в управлении совхозами. Госсельсиндикат был ликвидирован. Тресты совхозов еще некоторое время продолжили свое существование. За ними оставалось общее руководство работой совхозов, планирование и финансирование их путем

распределения целевых кредитов и дотации, получаемых от государства. Все остальные вопросы оперативно-производственного управления были отнесены к компетенции заведующих губземотделов, которые лично несли ответственность перед губернскими партийными и советскими органами за состояние дел в совхозах. К концу 1920-х гг. все больше прав и полномочий получают директора совхозов, каждый из которых являлся членом правящей партии.

В 1928 г. внимание к совхозам вновь возрастает. В мае 1928 г. в Политбюро ЦК ВКП(б) создается комиссия, которая обсуждает вопросы создания новых зерновых совхозов с товарной продукцией на 100 млн пудов. Срок для создания таких хозяйств устанавливается в 4 года. Оценить проект, подготовленный комиссией, было предложено ведущим ученым-аграрникам А. Чаянову, Н. Кондратьеву, П. Маслову, Н. Макарову. Они высказали опасения, что «это будут плохо организованные хозяйства». Однако в условиях срыва хлебозаготовок идея кажется привлекательной [51. С. 334].

Логическим завершением тенденции жестко централизованного управления государственными предприятиями в сельском хозяйстве стало образование в 1932 г. Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР, независимого от НКЗ СССР [52. Ст. 435].

1925 г. стал переломным и в организации управления колхозами. С переходом к нэпу пришлось отказаться от мысли создать различные типы коллективных хозяйств в крупном масштабе, хотя на словах и сохранялась приверженность будущему коллективизированному сельскохозяйственному производству. К середине 1920-х гг. меняется политическая линия. Механизмы свертывания нэпа становятся необратимыми. Вновь актуальными стали дебаты о путях дальнейшего движения вперед [7. С. 165–182]. В связи с желанием противостоять росту сельского капитализма путем создания социалистических «командных высот» в деревне вновь стал обсуждаться вопрос об организации коллективных хозяйств. К этому же толкала и неудачная заготовительная кампания 1924–1925 гг., вызванная неурожаем в 1924 г.

Возникли серьезные затруднения в реализации партийных решений. Партия не могла воздействовать на развитие коллективных хозяйств через соответствующий государственный аппарат в силу его отсутствия.

В феврале 1925 г. после длительного перерыва (в 1919 г. состоялся первый съезд колхозов, в 1921 г. – второй) было созвано Всесоюзное совещание колхозов, которое фактически имело значение съезда. На совещании было решено создать Всесоюзный Совет сельскохозяйственных коллективов (колхозов) как совещательный орган при Сельскохозяйственному совету. В состав Пленума Совета, избранного на совещании колхозов, вошли представители Наркомзема, Сельскохозяйственного совета, Наркомата РКП СССР, Высшего кооперативного института и ряда колхозов, представленных на совещании [53. С. 7]. Своего технического аппарата Совет не имел и пользовался аппаратом Сельскохозяйственного совета.

С этого времени начинается организация отделов коллективного земледелия в территориальных союзах сельскохозяйственной кооперации.

Как видим, именно сельскохозяйственной кооперации и ее органам отводилась важная роль в системе мер по реализации политики государственного воздействия на мелкое товарное производство, ограничения и вытеснения зажиточных элементов и подготовки крестьянства к общественному ведению хозяйства.

В декабре 1925 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, где обсуждались вопросы работы в сельскохозяйственной кооперации [54. С. 3–4], а 19 августа 1926 г. по докладу фракции ВКП(б) Сельскосоюза ЦК партии принял постановление «О сельскохозяйственной кооперации», в котором подчеркивалось, что «сельскохозяйственной кооперации в виду ее необычайной важности должно быть уделено особое внимание со стороны партийных комитетов» [55. С. 3–4]. Далее следовало письмо ЦК ВКП(б) «О перевыборах низовой кооперативной сети в деревне» [56. С. 1], а также направление коммунистов на кооперативную работу в деревню.

В октябре 1925 г. VIII сессия Совета Сельскосоюза, возглавляемого в это время П.А. Садыриным, приняла решение в целях придания большей самостоятельности структурным подразделениям, ведавшим вопросами колхозного строительства, преобразовывать отделы коллективного земледелия при Сельскосоюзе и союзах в автономные секции колхозов с планово-организационными задачами. Секции должны были стать руководящими органами по вопросам колхозного строительства. Они пользовались правами юридического лица. В задачи автономных секций входила разработка планов кредитования, снабжения колхозов и сбыта их продукции, а также установление связи со специальными центрами и союзами сельскохозяйственной кооперации по обслуживанию коллективных хозяйств [53. С. 42–44].

Вскоре выявились противоречия в руководстве колхозным строительством и в юридически-правовом, и практическом плане. Основной управляющей структурой коллективных хозяйств был Всесоюзный совет колхозов, но он в то же время являлся совещательным органом при Сельскосоюзе. Кроме того, и сама кооперация, утрачивая собственные экономические механизмы, теряла свою самостоятельность и не могла достаточно внимания уделять колхозному движению.

В конце 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) заслушало доклады Наркомзема РСФСР и Сельскосоюза и содоклад ЦКК РКП СССР об итогах совхозного и колхозного строительства. 30 декабря 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, которое затем было одобрено XV съездом ВКП(б) и фактически означало подготовку массового колхозного движения. В осуществление этих поставленных в апреле 1927 г. был создан новый орган по управлению колхозами – Колхозцентр РСФСР [57. С. 625–637].

Место Колхозцентра РСФСР в системе государственных и кооперативных учреждений СССР определялось следующим образом. Колхозцентр и его

местные органы входили в качестве самостоятельной системы в общую систему сельскохозяйственной кооперации и в своей деятельности должны были руководствоваться указаниями центральных органов сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюза до июля 1927 г., а с июля 1927 г. – Союза союзов) и Всесоюзного совета колхозов. Общее руководство Колхозцентром, как и всей сельскохозяйственной кооперацией, осуществлялось Наркомземом РСФСР. Учитывая особую важность задач, возлагаемых на Колхозцентр, он пользовался правом непосредственного представительства в правительстве.

Колхозцентр РСФСР создавался как республиканский центр колхозов, но фактически уже с первых дней своего существования он превращался в общесоюзный орган, и прежде всего потому, что был создан раньше, чем колхозцентры других союзных республик, поэтому фактически его влияние в колхозном строительстве распространялось на территорию всей страны.

Наряду с РСФСР организация колхозцентров шла и в других республиках. В июне 1927 г. был образован Колхозцентр Белоруссии, в сентябре – Украины, в январе 1928 г. – Грузии, в марте 1928 г. – Азербайджана, в мае 1928 г. – Узбекистана [53. С. 12].

В 1928 г. организационное оформление управления колхозным строительством было завершено. К этому времени Колхозцентром РСФСР были разработаны типовые уставы краевой и районной секций и бюро колхозов, а также примерные уставы коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли. В июне 1928 г. итоги всей этой работы подвел I Всесоюзный съезд колхозов.

Система колхозцентров была создана на одном из существенных поворотов аграрной политики Коммунистической партии. Инициатива эта шла «сверху» и определялась прежде всего задачами стратегического курса партии в сельском хозяйстве. Именно на колхозцентры всех уровней легла огромная работа по перестройке структуры и механизма функционирования сельскохозяйственного производства. Как только эти коренные изменения были завершены и чрезвычайность ситуации в сельском хозяйстве снята – необходимость в них отпала. Руководство колхозным строительством было передано государственным органам управления сельским хозяйством. В 1932 г. все союзный и республиканские колхозцентры были упразднены.

В период проведения коллективизации характер работы государственных органов меняется. К этому времени механизм взаимоотношений партии и государства в управлении сельским хозяйством сложился. Практика вмешательства партийных органов в государственное управление никак не нормировалась и часто вела к его подмене. Все попытки активизировать деятельность системы государственного управления сельским хозяйством в связи с задачами социалистической реконструкции деревни предпринимались сверху методами административного директирования, что приводило к еще большей зависимости государственных органов от партии.

Исследование показало, что эволюция Советской России в 1920-е гг. – один из уникальных исторических примеров того, как государственная власть активно формирует систему воздействия на общество в изменившихся политических и экономических условиях.

В ходе исследования выявлено, что строительство государственного аппарата управления сельским хозяйством в 1920-е гг. полностью отразило специфику советской власти как системы «партия–государство». Поиски новых структур управления шли прежде всего в русле задач стабилизации новой власти. Эти причины привели в первой половине десятилетия к некоторому ослаблению централизации в управлении сельским хозяйством.

Они заставили усилить ее, когда взятый курс на плюрализм в экономике не дал желаемых результатов в политике. Однако практика управления показала, что именно ослабление государственной централизации и вмешательства партийно-государственных ор-

ганов в жизнь деревни, когда крестьянство имело возможность относительно свободного выбора хозяйственных форм, систем земледелия, вызвало наивысший подъем сельскохозяйственного производства. К середине 1920-х гг. в управлении сельским хозяйством наряду с развитием нэповских начинают преобладать принципы, которые выходили за рамки государственного регулирования производства в индивидуальном крестьянском хозяйстве и затем легли в основу его социалистической перестройки. Происходят изменения в системе органов управления сельским хозяйством. Наряду с уже существующими была создана система государственных институтов по руководству коллективными формами сельскохозяйственного производства. Идеям, заложенным в первоначальную концепцию нэпа, увы, не суждено было осуществиться. Политика вновь берет верх над экономикой.

Список источников

1. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука, 1979. 357 с.
3. Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти (1917–1927). М.: Наука, 1972. 392 с.
4. Ивницкий Н.А. От бюро коммун до Колхозцентра (Организация руководства колхозами) // Октябрь и советское крестьянство. М.: Наука, 1977. С. 239–261.
5. Аграрная история XX века. Историография и источники. Самара: Самар. ун-т, 2014. 486 с.
6. Данилов В.П. История крестьянства России в XX в. Избранные труды: в 2 ч. М.: РОССПЭН, 2011.
7. Носова Н.П. Государство и крестьянство советской России. Поиски модели взаимодействия (анализ дискуссий 1920-х гг.) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitatis. 2016. Т. 2, № 3. С. 165–182.
8. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М.: Дело, 2014. 400 с.
9. Кузнецов И.А., Савинова Т.А. Незвестные и малоизвестные работы экономистов организационно-производственной школы // Крестьяноведение. 2018. Т. 3, № 1. С. 7–12.
10. Научное наследие А.В. Чаянова и современность: междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 130-летию со дня рождения А.В. Чаянова, 15 марта 2018 г. / отв. ред. А.В. Петриков. М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2019. 181 с.
11. Козлов С.А. «Служение интересам всей страны»: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930): в 3 т. Т. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2020. 688 с.
12. Lewin M. Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers. Princeton: Princeton University Press, 1974. 127 p.
13. Shanin T. The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925. Oxford: Oxford University Press, 1972. 253 p.
14. Шанин Т. Неудобный класс. Политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / пер. с англ. А. Соловьёв; науч. ред. А. Никулин. М.: Дело, 2019. 404 с.
15. History of the Russian peasantry in the 20 th Century. Vol. 1. Tokyo, 2002. 152 p.
16. History of the Russian peasantry in the 20 th Century. Vol. 2. Tokyo, 2004. 157 p.
17. Конанерова Е.Н. Международные научные проекты по аграрной истории России (конец XX–XXI вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2007. 21 с.
18. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 10. Д. 86.
19. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 40.
20. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 321.
21. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 51. Д. 7.
22. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 40.
23. Положение о Наркомземе РСФСР от 26 октября 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1923. № 91.
24. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172.
25. СУ РСФСР. 1922. № 61.
26. Отчет Народного комиссариата земледелия IX Всероссийскому съезду Советов за 1921 г. М.: Редакционно-издательский комитет НКЗ, 1922. 255 с.
27. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 63. Д. 5.
28. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 18. Д. 68.
29. СУ РСФСР. 1922. № 4.
30. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 54.
31. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 55.
32. Земельный кодекс РСФСР. М.: Изд-во НКЮ РСФСР, 1923. 32 с.
33. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. М.: Госюриздат, 1954. 720 с.
34. Газалова К.М. Земельный суд РСФСР и порядок рассмотрения спорных дел о семейно-имущественных разделах крестьянских хозяйств (1921–1928) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1965. Т. XIX.
35. СУ РСФСР. 1922. № 36.
36. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 35. Д. 172.
37. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 442.
38. СУ РСФСР. 1923. № 28.
39. СУ РСФСР. 1923. № 91.

40. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 56. Д. 90.
41. Отчет Наркомзема РСФСР XI Всероссийскому съезду Советов за 1923 год. М. : Наркомзема, 1924. 47 с.
42. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 249.
43. Отчет Наркомзема РСФСР за 1924–25 год. М. : Редакционно-издательский комитет НКЗ, 1926.
44. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 1.
45. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 5.
46. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 45. Д. 56.
47. Устав Государственного Российского сельскохозяйственного синдиката, утвержденный СТО РСФСР 13 апреля 1923 г. М., 1923.
48. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 10. Д. 254.
49. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 374. Оп. 9. Д. 73.
50. СУ РСФСР. 1925. № 18.
51. Никулин В.А. Управление совхозами до образования Народного комиссариата зерновых и животноводческих совхозов СССР (1917–1932) // Труды Московского государственного историко-архивного института. 1959. Т. 13. С. 334.
52. Собрание законодательства СССР. 1932. № 71.
53. Три года работы Всесоюзного Совета сельскохозяйственных коллективов. М., 1928.
54. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 1.
55. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 35–36.
56. Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 43–44.
57. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М. : Госполитиздат, 1957. 878 с.

References

1. Danilov, V.P. (1977) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: naselenie, zemlepol'zovanie, khozyaystvo* [Soviet pre-kolkhoz village: population, land use, economy]. Moscow: Nauka.
2. Danilov, V.P. (1972) *Sovetskaya dokolkhoznaya derevnya: sotsial'naya struktura, sotsial'nye otnosheniya* [Soviet pre-kolkhoz village: social structure, social relations]. Moscow: Nauka.
3. Zelenin, I.E. (1972) *Sovkhozy v pervoe desyatiletie Sovetskoy vlasti (1917–1927)* [State farms in the first decade of Soviet power (1917–1927)]. Moscow: Nauka.
4. Ivnitkiy, N.A. (1977) Ot byuro kommun do Kolkhozttsentra (Organizatsiya rukovodstva kolkhozami) [From the bureau of communes to the Kolkhozcenter (Organization of the management of collective farms)]. In: *Oktyabr' i sovetskoe krest'yanstvo* [October and the Soviet peasantry]. Moscow: Nauka. pp. 239–261.
5. Kabytova, N.N. (ed.) (2014) *Agrarnaya istoriya XX veka. Istoriografiya i istochniki* [Agrarian history of the 20th century. Historiography and sources]. Samara: Samara State University.
6. Danilov, V.P. (2011) *Istoriya krest'yanstva Rossii v XX v. Izbr. tr.: v 2 ch.* [The history of the peasantry of Russia in the twentieth century. Selected works in 2 parts]. Moscow: ROSSPEN.
7. Nosova, N.P. (2016) Gosudarstvo i krest'yanstvo sovetskoy Rossii. Poiski modeli vzaimodeystviya (analiz diskussiy 1920-kh gg.) [State and peasantry of Soviet Russia. Search for a model of interaction (analysis of discussions in the 1920s)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitatis*. 2 (3). pp. 165–182.
8. Nikulin, A.M. (2014) *Agrarniki, vlast' i selo: ot proshlogo k nastoyashchemu* [Agrarians, power and village: from the past to the present]. Moscow: Delo.
9. Kuznetsov, I.A. & Savinova, T.A. (2018) Unknown and little-known works of the economists of the organization-production school. A foreword. *Krest'yanovedenie – Russian Peasant Studies*. 3 (1). pp. 7–12. (In Russian).
10. Petrikov, A.V. (ed.) (2019) *Nauchnoe nasledie A.V. Chayanova i sovremennost': mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 130-letiyu so dnya rozhdeniya A.V. Chayanova, 15 marta 2018 g.* [Scientific legacy of A.V. Chayanov and modernity: International conference dedicated to the 130th anniversary of the birth of A.V. Chayanov. March 15, 2018]. Moscow: VIAPi im. A.A. Nikonova.
11. Kozlov, S.A. (2020) “Sluzhenie interesam vsey strany”: *Moskovskoe obshchestvo sel'skogo khozyaystva (1820–1930): v 3 t.* [“Serving the interests of the whole country”: Moscow Society of Agriculture (1820–1930): in 3 vols]. Vol. 2. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.
12. Lewin, M. (1974) *Political Undercurrents in Soviet Economic Debates: From Bukharin to the Modern Reformers*. Princeton: Princeton University Press.
13. Shanin, T. (1972) *The Awkward Class: Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910–1925*. Oxford: Oxford University Press.
14. Shanin, T. (2019) *Neudobnyy klass. Politicheskaya sotsiologiya krest'yanstva v razvivayushchemsya obshchestve: Rossiya, 1910–1925* [Inconvenient class. Political sociology of the peasantry in a developing society: Russia, 1910–1925]. Translated from English by A. Solov'ev. Moscow: Delo.
15. Okuda, H. (ed.) (2002) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 1. Tokyo: The University of Tokyo.
16. Okuda, H. (ed.) (2004) *History of the Russian peasantry in the 20th Century*. Vol. 2. Tokyo: The University of Tokyo.
17. Konanero, E.N. (2007) *Mezhdunarodnye nauchnye proekty po agrarnoy istorii Rossii (konets XX–XXI vv.)* [International scientific projects on the agrarian history of Russia (the end of the 20th–21st centuries)]. Abstract of History Cand. Diss. Penza.
18. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 4372. List 10. File 86.
19. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 35. File 40.
20. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 35. File 321.
21. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 51. File 7.
22. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 4372. List 10. File 40.
23. RSFSR. (1923) Polozhenie o Narkomzeme RSFSR ot 26 oktyabrya 1923 g. [Regulations on the People's Commissariat of Land of the RSFSR of October 26, 1923]. In: *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 91.
24. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 35. File 172.
25. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 35. File 40.
26. RSFSR. (1922) *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 61.
27. People's Commissariat of Agriculture. (1922) *Otchet Narodnogo komissariata zemledeliya IX Vserossiyskomu s'ezdu Sovetov za 1921 g.* [Report of the People's Commissariat of Agriculture to the IX All-Russian Congress of Soviets for 1921]. Moscow: People's Commissariat of Agriculture.
28. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 63. File 5.
29. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 18. File 68.
30. RSFSR. (1922) *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 4.
31. Lenin, V.I. (1975) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete works]. Vol. 54. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.

32. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 45. File 55.
33. RSFSR. (1923) *Zemel'nyy kodeks RSFSR* [Land Code of the RSFSR]. Moscow: Izd-vo NKYu RSFSR.
34. Gosyurizdat. (1954) *Sbornik dokumentov po zemel'nomu zakonodatel'stvu SSSR i RSFSR. 1917–1954 gg.* [Collection of documents on the land laws of the USSR and the RSFSR. 1917–1954]. Moscow: Gosyurizdat.
35. Gazalova, K.M. (1965) *Zemel'nyy sud RSFSR i poriyadok rassmotreniya spornykh del o semeyno-imushchestvennykh razdelakh krest'yanskikh khozyaystv (1921–1928)* [The Land Court of the RSFSR and the procedure for considering controversial cases on family and property divisions of peasant farms (1921–1928)]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*. XIX.
36. RSFSR. (1922) *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 36.
37. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 35. File 172.
38. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 56. File 442.
39. RSFSR. (1923) *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 28.
40. RSFSR. (1923) *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 91.
41. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 56. File 90.
42. Otchet Narkomzema RSFSR XI Vserossiyskomu s'ezdu Sovetov za 1923 god. Moscow: Narkomzema, 1924. 47 s.
43. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 4372. List 10. File 249.
44. People's Commissariat of Agriculture. (1926) *Otchet Narkomzema RSFSR za 1924–25 god* [Report of the RSFSR People's Commissariat of Agriculture. for 1924–25]. Moscow: People's Commissariat of Agriculture..
45. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 7486. List 37. File 1.
46. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 7486. List 37. File 5.
47. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 478. List 45. File 56.
48. Anon. (1923) *Ustav Gosudarstvennogo Rossiyskogo sel'skokhozyaystvennogo sindikata, utverzhenny STO RSFSR 13 aprelya 1923 g.* [The Charter of the State Russian Agricultural Syndicate, approved by the RSFSR Council of Labor and Defense on April 13, 1923]. Moscow.
49. Russian State Archive of Economy (RGAE). Fund 4372. List 10. File 254.
50. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 374. List 9. File 73.
51. RSFSR. (1925) *Sobranie uzakoneni RSFSR* [Collection of laws of the RSFSR]. 18.
52. Nikulin, V.A. (1959) *Upravlenie sovkhozami do obrazovaniya Narodnogo komissariata zernovykh i zhivotnovodcheskikh sovkhov SSSR (1917–1932)* [Management of state farms before the formation of the People's Commissariat of Grain and Livestock State Farms of the USSR (1917–1932)]. *Trudy Moskovskogo gosudarstvennogo istoriko-arkhivnogo instituta*. 13. p. 334.
53. USSR. (1932) *Sobranie zakonodatel'stva SSSR* [Collection of laws of the USSR]. 71.
54. Anon. (1928) *Tri goda raboty Vsesoyuznogo Soveta sel'skokhozyaystvennykh kollektivov* [Three years of work of the All-Union Council of Agricultural Collectives]. Moscow.
55. *Izvestiya TsK VKP(b)*. (1926) 1.
56. *Izvestiya TsK VKP(b)*. (1926) 35–36.
57. *Izvestiya TsK VKP(b)*. (1926) 43–44.
58. Gospolitizdat. (1957) *Direktivy KPSS i Sovetskogo pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Directives of the CPSU and the Soviet government on economic issues]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.

Информация об авторе:

Носова Н.П. – д-р ист. наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: nosova-np@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.P. Nosova, Dr. Sc. (History), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nosova-np@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.10.2020;
одобрена после рецензирования 05.03.2021; принята к публикации 28.01.2022.*

*The article was submitted 08.10.2020;
approved after reviewing 05.03.2021; accepted for publication 28.01.2022.*